

АКТЕРСКАЯ БРАТИЯ

Ах, какое же это было наслаждение – два вечера, сидя перед телевизором, внимать Константину Райкину! Понимая все неприличие подобного эмоционального всплеска (где твое скептически-снисходительный прищур, критик? твоя остротенность? твое профессиональное достоинство, наконец?), начать эти заметки как-то иначе я тем не менее просто не способен. Потому что прежде всего в этих двух передачах, которыми Е.Уфимцева открыла новую рубрику своего цикла “Театр+TV”, обозначив ее “Люди в моей жизни”, был именно восторг и упоение этим абсолютным торжеством истинного актерства.

В последние годы я привык уже видеть Райкина на экране уставшим, чуть ли даже не измученным, словно бы постоянно находящимся в невероятном внутреннем напряжении, которое ему с трудом удается не выплеснуть наружу. Оттого еще столь радостна была та фонтанирующая легкость, с какой вел он свою беседу с Катей Уфимцевой. Не пресловутая “легкость в мыслях необыкновенная”, совсем нет, но ощущение полета, победительного актерского куража – именно оно определяло настрой и тональность передачи. Такой кураж невозможно воссоздать искусственно, либо он есть, либо его нет. А если нет, то тогда еще более заметной становится вымученность улыбок, натянутость шуток,

придуманность баек. В этот вечер, не принужденно болтая со своей милой собеседницей, что-то небрежно попивая из стоявшей перед ним рюмочки, Константин Райкин, несомненно, знал, что сегодня он может все! И в этом не ошибался.

То, что рассказывал он, не хочется, да и не должно называть байками: то были потрясающе вылепленные, артистически исполненные, высокохудожественные **актерские истории**. Очень может быть, что по ходу рассказа, увлекаясь, получая нескрываемое удовольствие от самого процесса рассказывания, показывания, он что-то и присочинял, черточки какие-то, нюансы, детали. Ну и что? А почему бы и нет? Но все же, при всем актерстве высочайшей пробы – ни грана пошлости, а как легко и как соблазнительно было на нее соскользнуть. Меня невероятно увлекла в его рассказах их безупречно талантливая непридуманность. Говорил ли он о старших современниках – Галине Волчек, Олеге Табакове, или же о тех, с кем жизнь светла уже сегодня, в “Сатириконе” – Петре Фоменко, Роберте Стурра, рассказывал ли о любимых своих сверстниках – Марине Нееловой, Валерии Фокине, – никакого ложного пафоса, и при этом, несомненно, – “сто пудов любви”. Настолько неподдельной, что просто завидуешь тем, кого удостоил он своей дружбой, тем, кому довелось пересечься с ним в разные годы его жизненно-актерского пути.

А мне вот в этом отношении ужасно не повезло. После спектакля “Превращение”, потрясенный тем, с какой поистине фантастической виртуозностью он играл своего бессловесного “таракана”, я сделал то, чего вообще-то никогда не делаю: отправился к нему за кулисы, чтобы как-то выразить свое восхищение. То был замечательный урок! Преодолев некоторое количество кордонов (в “Сатириконе”, как выяснилось, доступ к художественному руководителю непрост), я все же наконец попал в его кабинет. Но – представ перед ним со своим лепетаньем, – сразу понял, что мы находимся, что называется, в разных весовых категориях. Я – под оглушительным впечатлением от его игры, всеми мыслями и эмоци-

Актерство, растворенное в крови

ями еще там, в маленьком зальчике, где шел спектакль. А он, человек, который только что закончил очень трудную работу, принял душ, переоделся и собирался продолжить свой рабочий день (спектакль был дневной). Конечно же, он был вполне любезен, но, как мне показалось, очень хотел, чтобы аудитория оказалась как можно короче. А может, просто спешил.

Так или иначе, но не удалось мне познакомиться с актером, которого люблю я очень-очень давно, еще со времен дипломных спектаклей Щукинского училища, когда, абсолютно не ведая, кто передо мной, я был так же сражен тем, как играл он в мопассановской “Пышке” и в “Носе” Гоголя. Не удалось, но какое это, в сущности, имеет значение! Потому что истинное **знакомство с актером** происходит тогда и только тогда, когда он – на сцене или на экране, а ты – в зале или у телевизора. И с Константином Райкиным такое знакомство – всякий раз открытие – происходит для меня всегда. При каждой нашей встрече. И потому со всем энтузиазмом, на который, хвала Богу, способна не только молодость, жадная и страстная до впечатления изящного, я всегда жду этих встреч. И они никогда еще моих ожиданий не обманули. Так что, до новой встречи!

Ваш Юрий ФРИДШТЕЙН

Экран и сцена.
1998. – июль (К24).